

БАХТИЯР ВАГАБ-ЗАДЕ

ВЫСОТА

БАХТИЯР ВАГАБ-ЗАДЕ

ВЫСОТА

СТИХИ

ПЕРЕВОД С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА

1964

М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республика
КИТАБХАНАСЫ

ВЫСОТА

Есть ощущение
 высокого,
гордое чувство крыла.
Это не только у сокола
или орла.
О, как тревожно
 и радостно
дышится на высоте!
Столько припомнится
 разного,
столько простора мечте!
А мы запираемся
 в комнате,
курим проклятый «Казбек»,
запахом пыли и копоти
мы отравляем
наш век...
Может быть,
 горными тропами
выбит я из колен.
Взвинчены ими
и вstrapаны
чувства и мысли мои.

Сердце —
у самого ворота,
шляпа сползла набекрень.
Вижу отсюда
три города,
семь деревень.
Вот и моя
деревня.
Сто раз ее обойди,
пересчитай деревья,
в окна ей погляди —
пока не поднялся
за облако,
не наклонился
над ней,
ты не уловишь облика
милой деревни моей.
Нас делают горы
великими.
Ширится наш
кругозор,
дали
становятся близкими,
если глядеть
с наших гор.
Стоят они
в гордых позах,
Шаг у них
атаман.
Где-то,
рожденный ползать,
стелется липкий
туман.

А я шевелю
плечами —
вы, горы, мне помогли
подняться
над мелочами
и цель различить
вдали.
Слова застревают
в горле,
я счастлив
и окрылен.
Может, не зря
наши горы
профилем
схожи с Кремлем? ..

ГОСТЬ

Кто говорит:

«Я в этом мире гость» —
тот в жизни
как в чужой квартире гость:
является сюда повеселиться,
скорее шапку и пальто —
на гвоздь,
глотает виноград за гроздью гроздь,
торопится наестся и напиться
и, обглодав,
швырнуть на скатерть кость...

Кто гостем пожелал в наш мир явиться,
тот и уходит из него,
как гость.

Я СПЕШУ

Я не спешу, мне некуда спешить.

С. Вургун

Все из дому спешат, чуть наступает утро,
как муравьи спешат — нацеленно и мудро.
И сердце в этот час не может не спешить,
стучится:
«Что-то ты обязан совершить».
Толпа мерещится вдруг муравьиным кругом,
где все торопятся вперегонки друг с другом.

Рассвет.

Из дома — прочь, увлечены трудом,
а вечером скорей, скорей вернуться в дом.
Иль время гонит нас,
иль мы торопим время,
иль, может быть, спешим, чтоб жизнь прошла скорее?
То вниз, то вверх — и так весь день от снов до снов
бежим,
вращаемся со стрелками часов.

Как будто каждый миг нас кто-то настигает,
а остановимся —
и время убегает.
Куда ни оглянусь, на уличной груди

я тысячи следов оставил позади.
Стук сердца.
Стук шагов.
Секунды под ногами.
И каблуками в воск мы превращаем камень.

Стучат шаги, звучат, —
ног топот,
ног набат, —
и человечеству о каждом говорят.
В них тысяча путей,
в них тысяча желаний,
в них тысяча удач,
в них тысяча страданий.
Хоть не торопимся мы завершить свой путь,
мечта нам не дает секунды отдохнуть.

Себе мы не даем ни сна и ни ночлега,
чтоб слиться с поступью шагающего века.
Не торопиться мне нельзя, меня зовет
неодолимый груз желаний и забот.
Не выполненных мной работ влечет лавина,
ведь прожито уже конечно половина.

Что видел в мире я,
что я узнал, друзья?
Не торопиться мне нельзя, никак нельзя.
«Я не спешу», — сказал поэт.
Что это значит?
Был в тесном вры ни им путь огромный начат.
Он миг остановил,
чтоб разглядеть, прожить,
сказав: «Я не спешу, мне некуда спешить».

Чтоб удлинить момент,
продлить секунду века,
отказывался он от бешеного бега.
Но так он зорко видел, жадно жил,
что, даже говоря «я не спешу», спешил.

А я мечту свою опередил бы птицей.
Спешу, спешу, спешу...
Ну как не торопиться!
Пред темпами рабом стал путь земной:
в час преодолеваем путь дневной.
Мороз и зной теперь соединила скорость,
и к полюсу, поверь, совсем стал близок полюс.
Два климата слились —
не знаешь, где граница.
Спешу, спешу, спешу...
Ну как не торопиться!

Сегодня час и день —
все по-иному весит,
сегодня в жизнь одну мы проживаем десять.
Как прежде, впереди блеснит мечты кристалл,
но век короткий наш бессмертью равен стал,
стал протяженной миг,
внезапный, как зарница.
Спешу, спешу, спешу...
Нельзя не торопиться!

Ты знаешь жизнь,
и трезв твой зоркий взгляд,
я чувствую —
и этим я богат.

ТЫ И Я

Мы в этом мире многого не знаем,
ум познает, и чувствуют сердца,
и то, что ты не понял, объясняя,
тебе понять помогут до конца.
Но чувств не даст нам никакая сила.
Вон веточка,

на ней роса видна.

Я говорю:

— О как она красива! —

Ты говоришь:

— Плоды нам даст она. —

Как камни белые в горах зеленых,
белеют овцы, облепив родник.

Я говорю:

— Они как снег на склонах. . . —

Ты говоришь:

— Какой бы был шашлык! —

Цветы в уст открытые целуя,
с зарей пчела пускается в полет.

— Как песня их красива! —

говорю я.

Ты говоришь:

— Весьма полезен мед.

Ребят шестнадцать пар.
В тетрадях новых линии косые...
...В рассветный час сложив о вас стихи, я,
счастливый, ставлю подпись: Бахтияр.

УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Шестнадцать парт. Ребят шестнадцать пар.
В тетрадях новых линии косые.
О как я счастлив был, когда впервые
я вывел свое имя — Бахтияр,
и все смотрел в тетрадь, и время шло...
Вы, улыбаясь, надо мной стояли.
Как далеки сегодня эти дали,
как далеко шекинское село!

Промчались годы, и теперь я сам
учу детей, как вы — меня когда-то.
Сейчас сидят за партами ребята,
как я тогда, и пишут по складам.
Но и теперь при встречах — каждый раз —
краснею перед вами я смущенно
и руку с папиросою зажженной
сую в карман, едва завидев вас.

Пусть я — учитель. Я — ваш ученик,
смотрю на вас мальчишьями глазами,
и каждый раз, когда встречаюсь с вами,
встают передо мною в тот же миг
шестнадцать парт.

САНКИ

Возле дома нашего
возвышалась гора.
Как к магниту гвоздики,
к ней тянулась детвора.
Для весны и осени:
енчило,
чилинкагач¹.
А зимой —
за санками
не вразвалочку,
а вскачь!

Первый из любителей
развеселой кутерьмы,
еле дожидался я
замечательной зимы
с плавными полозьями,
чуть касавшимися льда,
с давними надеждами
обогнать всех без труда,
обойти оварийей:

¹ Енчило, чилинкагач — детские игры.

успокоиться не мог,
коль быстрее на улице
находилась пара ног.

С первую снежинкою
я переселялся в рай:
мчался за салазками
в покосившийся сарай.
С ободами гнутыми,
подозрительно красны,
успевали ржавчиной
обрасти они с весны.
С первую снежинкою
молодым хрустящим льдом,
красный от неловкости,
я взбирался вверх с трудом.
Поднимаясь,
падая,
сам себя я не щадил.
Санки за веревочку
на вершину я тащил.

Валенки расставлены,
шарф крылатый за спиной —
даже реактивные
не угонятся за мной.
Ловкость прошлогоднюю
вспоминаю:
«Наклонись!»
С первую космической
скоростью
срываюсь вниз.
Наслажденье краткое

И уже —
откоса край...

За плечами с санками
восхождение повторяй.
Поднимаясь,
падая,
вверх по горке ледяной.
Санки на веревочке.
Шарф бескрылый за спиной.
Упирайся в выступы
или в собственную тень,
красный от неловкости,
с шапкой, сбитой набекрень.

Крылья я выдумывал
небывалые,
чтоб впредь
подниматься в гору мог
так,
как под гору лететь.
А когда измучился,
извалялся
и промок,
вскарабкаться на гору
просто-напросто не смог.
Состязаясь с птицами,
был не прочь лететь с горы,
но взблизиться на гору
стал лениться с той поры.

.....
Как-то вышел дедушка:
— Бесполезна эта прыть,

полюбил кататься ты,
люби саночки возить.
Размечтался, видимо,
что была бы благодать,
если б санки ржавые
вниз и вверх могли летать.
Падай от усталости:
радость только возрастет,
если синяками ты
сам оплатишь свой полет.

НЕ ПАДАЙ

Уйдя от притяженья робости,
пошла впервые дочь моя,
иль просто перед нею глобусом
вращаться начала земля.
От бабушки шагнула к матери,
но радуется так душа,
как будто землю по экватору
сегодня дочка обошла.
Что просто —
это взрослым кажется,
девчонке первый раз шагнуть.
Гораздо проще ей отважиться
потом на самый дальний путь.
Поэтому гляжу с отрадою:
— Ну, доченька,
смелей!
Пошли!
Упала?
Встань
и, даже падая,
займствуй силу у земли.

ПЕРВАЯ ТРОПА

Рассвет не торопится:
ему нездоровится,
а город встает.
Небо город с вечера
снегом обеспечило,
а снег все идет,
не перестает. . .

Так уж ведется
в городе у нас —
первым поднимается
рабочий класс.
Несмотря на темень,
на ветер цепной,
первым пройдет он
снежной целиной.
Детям проложит
первую тропку,
чтоб не опоздали
к первому уроку.

Бегут они со смехом,
швыряются снегом,

И ты в их толпе.
Держись,
 мой козленок,
изо всех силенок,
чтоб не поскользнуться
на первой тропе!

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Счастье!
Что такое счастье?
Не наивный ли вопрос?
Погоди, не возмущайся,
мой вопрос —
 не так уж прост.
Многих счастье водит за нос,
днем с огнем не отыскать.
Раньше, в школе,
 мне казалось:
счастье — это
 аттестат.
Кончил школу —
 с плеч забота.
И опять ищу ответ:
а любимая работа —
это счастье или нет?
Счастье!
Что такое счастье?
Может, это —
 горизонт?
Все его достигнуть
 тщатся,

только людям не везет.

Люди ищут —

где же выход?

Говорят:

с горы видней,

а самой горы не видят,

судят издали о ней.

А любовь?

Я знал по книгам:

счастья нету без любви,

кто любовь считает игом,

счастья лучше не зови.

Я горел,

я ждал свиданья,

звал любимую во сне.

«Может, счастье —

ожиданье?» —

иногда казалось мне.

Но разлукой

слишком часто

охлаждают пыл сердец.

Никогда не разлучаться

мы решили наконец.

Это счастье?

Нет, полсчастья!

Счастье полное —

в другом.

Погоди, не ополчайся,

будто я неправ кругом.

Друг ли,

брат ли

или муж ты,

ты поймешь,

попав в беду:

счастье —

быть кому-то

нужным,

в ком-то

чувствовать нужду...

РАЗГОВОР С ВРАЧОМ

Как только сердце вдруг заколет,
от утомленья,
так ли просто,
врач, близкий друг мой,
пульс находит

и хмурит брови:
— Девяносто! —

Ворчит:

— Нельзя же так работать,
хоть сердце у тебя

волосье,
гони из головы
заботы
и береги

свое здоровье.

Ты понимаешь сам прекрасно,
что может кончиться бедою.

Я пропущу тебе

лекарство,
ты пей его

перед едою.

И мойся по утрам по пояс,
и помни:

никаких волнений.

Я, право, очень беспокоюсь... —
И дальше —

масса наставлений.

Нет, доктор.

Сердце

знать не хочет

советов

и ограничений.

Оно ведь бьется, милый доктор,
для радостей
и огорчений.

Как ртути приказать

спуститься,

чертя предел
ее свободы?

Она приказов не боится,
зависит

только от погоды.

Не для всего

годится рамка —

попробуй

душу в рамки втисни!

И если я —

свеча

иль лампа,

то свет мой —

это мои мысли.

И как, скажи,

мне отказаться

от думы,

хоть она тревожит,

от дружбы —

этого богатства,

которое всего дороже,
и от любви,
и от заботы,
чтоб спать ночами
 не мешала?..
И знаешь, доктор,
 без работы
и жизнь мне не нужна, пожалуй...
И если б, милый доктор, знал ты
язык ударов гулких этих,
ты мне, пожалуй;
 так сказал бы:
«Забудь-ка о моих советах,
с друзьями нежен будь
и дружен,
трудись,
живи,
 чтоб увлекаться,
люби —
 покой тебе не нужен.
Мысль — твой рецепт,
борьба —
 лекарство».

ДОЖДЬ И ЗЕМЛЯ

С крутых вершин спустились облака
и с пыльною листвою зашептались.
Гудящий дождь
пришел издалека —
и небеса с землей перемешались.
Дождь
 гребнем частым причесал поля,
велел цветам и травам распрямиться
и, серебром лучащимся пыля,
рассыпал
ослепительные спицы.
Он лил сквозь солнце,
источая свет,
напористый,
улыбчивый,
пахучий.
И, лапами цепляясь за хребет,
пошатываясь,
уходили тучи.
Луга сосали дождь,
как молоко,
впиваясь в грудь небесную стеблями,
а солнце,
 улыбаясь широко,

цедило золотое пламя...
 Округу добрый ливень воскресил.
 Земля дышала долгожданной влагой.
 И вот —
 спесиво дождь провозгласил:
 — Я зной сразил.
 Несу я миру благо.
 Душа природы — я,
 и только я!
 Земля,
 ты мне обязана красою.
 Дыхание цветка и блеск ручья —
 все это — я,
 все рождено лишь мною.
 Земля сухая
 людям не нужна.
 Я создаю,
 караю
 и лелею! —
 Земля внимала речи болтуна,
 улыбкой материнской светлея.
 — Мой друг! —
 она сказала наконец. —
 С тобою пререкаюсь мы не станем.
 Конечно.
 ты мудр и молодец,
 но создан ты
 моим,
 земным дыханьем!..

* * *

Все сердца величиной с кулак,
 это знает каждый эскулап.
 Все они похожи друг на друга,
 если не страдают от недуга.
 Вслушайся в биение сердец:
 почему в одном
 живет гордец,
 а в другом —
 мечтатель
 или циник?
 Непонятно это медицине!
 Ты художник —
 деятель искусств,
 нарисуй мне хоть одно из чувств,
 что одолевают мою душу,
 мечутся и просятся наружу;
 видишь,
 я волнуюсь и курю,
 нарисуй мне сердце,
 говоря...
 А художник только рассмеялся
 и нарисовал кусочек мяса...
 Я себя обиженным сочту,

если ты уходишь от предмета.

Нет,

ты нарисуй мою мечту,
знаешь ли, какого она цвета?

На суровой глади полотна
передай мне все ее оттенки,
переходы и полутона,
чтобы было точно,

как в аптеке.

Может быть, все краски перерыв,
нужной —

не найдешь в своем этюднике,
чтобы передать один порыв
сердца,

не влезающего в тюбики. . .

СЕРДЦЕ

Я по глазам твоим томлюсь по карим.
Я по следам твоим пушусь в грозу,
то поднимаюсь в бирюзу Икаром,
то ящерицей по песку ползу.

А ты меня не различаешь вовсе,
как будто не хожу и не живу.
А ты меня не замечаешь вовсе,
как путник придорожную траву.

И заподозрил я тебя сначала,
в груди услышав эхо пустоты,
что как-то сердце ты мое украла,
но нет:
осталась бессердечна ты.

Я брожу по перрону
с букетом
между справочным бюро
и буфетом,
я гляжу на часы
и щиплю усы
от досады:
чуть не двадцать минут
до посадки!
А за двадцать минут
я на двадцать лет
постарею...
Хоть бы поезд уходил
поскорее!
Вот уйдет этот поезд
на третьем пути,
и тогда к перрону
должен мой подойти,
а пока ждут его у разъезда.
Ну, когда же он сдвинется
с места?
Люди входят в вагон,
я гляжу им вдогон —

кто расстроен,
кто скупен,
кто весел;
этот сел к столу,
тот прилип к стеклу,
а один и совсем
нос повесил.
Сколько сказано слов,
сколько выплакано слез
на широкой груди вокзала!
Провожают невест,
провожают отцов,
провожают,
чтобы встретить
в конце концов.
Сколько жизнь тут узлов
завязала!
Тут и плач и смех,
словно дождь и снег,
ночь и день,
свет и тень —
вперемежку.
Я люблю этот ритм,
он всегда меня бодрит,
несмотря на суету
и спешку.
А вон тот человек
не поймет меня вовек:
я пришпориваю время,
сердце рвется из груди —
он хватается за стремя,
умоляет:
— Подожди! —

Он с любимой расстается,
я любимую жду,
нам друг к другу остается
только чувствовать вражду.
Но об этом ли речь?
Без зимы не будет лета,
без разлук не будет встреч,
стало быть, вражда нелепа!
Я бы так ему сказал:
пусть живет разлука
встречей,
потому что вокзал —
узел всех противоречий.

ЗАЧЕМ ОН ПРИЕХАЛ...

Зачем он приехал
в родное село?
Отдохнуть, проветриться,
только и всего...
В первый раз невестку
обняла свекровь, —
сын приехал к матери
под родимый кров.
Охала, вздыхала:
— Как вырос сынок! —
совсем от радости
сбилась с ног...

А он бродил
по селу весь день
и за этот день
побывал везде:
обошел всех друзей
и знакомых —
не забыл еще
дружбы законов!

И примчалось
детство к нему,
он сказал ему:

«Дай обниму!»,
схватил за рубаху,
порвал подол,
а оно удрало
играть в футбол...

Вы сажали
когда-нибудь

абрикос?

С ним удача вас ждет
далеко не всегда.

А Наби повезло,
он был рад до слез,
что отведал плодов
своего труда.

Но деревья шумели
вослед Наби:

«Где же ты пропадал
столько лет, Наби?
Почему не являлся
проведать сад?
Здесь под каждым
камушком

спрятан клад,
клад воспоминаний
самых дорогих,
недосягаемый

для других...»

Он стоял под ними
потупя взгляд.

«Вы правы, деревья,
чего я добился?

Громкое имя,
должность и оклад —
жить ради этого
не было бы смысла.

Шесть лет я не видел
друзей и родных,
о них без нужды
вспоминать мы

не любим.

Но были же чувства
как этот родник!

А он и теперь еще
служит людям...

Неужели сердце
меня подведет —
засохнет до срока,
как червивый плод?..»

А мать не могла
наглядеться на сына —
стелила мягко,
кормила сытно,
выбирала сыну
кусоч повкусней,
и сын, как теленок,
тянулся к ней.

На колени голову
кладал после обеда,
ночью, как в детстве,
просил шутя:
— Расскажи мне сказку
про Мелик-Мамеда! —

И мать ублажала
свое дитя...

А жена сердилась,
ей было скучно,
про себя шептала:
— Все равно он мой! —
Ходила за мужем
хмурая, как тучка,
все время твердила:
— Поедем домой! —
Наби смеялся:
— Разве мы не дома? —
И вот из тучки
дождь грянул грома.
Жена видит всюду
одни неполадки,
то, что ему дорого,
не нравится жене:
кровать и одеяло
на ситцевой подкладке
и тронутый молью
ковёр на стене.
Каждое утро
у них перебранка,
портрет увидела —
бездарная рамка!
— Сколько тебе
на карточке лет?
Как ужасно выглядишь!
Как плохо одет! —
Хлещет словами,
словно крапивой:

— Какой ты был жалкий
и некрасивый!
Что за рубашка?
И что за стрижка?
Словно воришка
из заключения
или тифозный
после лечения!
Галстук хотя бы
надел для приличия!
Честное слово,
не преувеличивая,
если бы я увидела
такого —
замуж не вышла бы,
честное слово!..

Она хохочет
в лицо свекрови,
а та кусает губы
до крови,
глядит на сына,
что скажет сын?
— Сними ее, мама!
Позор один... —
А мать отвечает:
— Сынок!
Не могу...
— Да я тебе новую
пришлю из Баку!..
— Нет!
новая карточка
мне не нужна,

пусть любитесь ею
твоя жена,
да минуют тебя
все невзгоды!
Где б ты ни был, сынок,
будь всегда молодцом,
если встретишь врага —
не темней лицом.
А со мной
твои детские годы.
Будь таким,
как на карточке,
ласковый мой,
пусть изменят года
твою внешность —
верю в силу твою
и характер прямой,
но и в искренность верю,
и в нежность!
Что поделаться, сынок,
я глупа и стара,
но тебе я как прежде
желаю добра.
От тебя ничего мне
не надо.
И пиджак,
ботинки твои
хороши,
но они никогда
не заменят души,
вот такого
чудесного взгляда...
Дочка!

Чем у тебя
голова занята?
Ты сказала,
что замуж не выйдешь!
Мол, прическа не та
и рубашка не та,
а глаза —
неужели не видишь?
Вот под этот стол
он ходил пешком,
а вот тут он играл
за комодом...
Ты живешь
с человеком,
а не с пиджаком,
хоть и самым красивым
и модным.
Нелегко и за модой
угнаться в наш век,
если речь идет
об одежде.
Измениться может
и человек,
а на карточке он
как прежде.
Для меня эта карточка
лучше всех —
вон как смотрит она
лукаво!
Не изменят ее
никакой успех,
никакая
столичная слава...

ДОЖДИК, ПЕРЕСТАНЫ!

Небо в тучах.
Дело дрянь.
Не весна,
а прямо осень.
Дождик, дождик,
перестань!
У меня свиданье в восемь.
Может, ты меня ревнуешь?
Может, хочешь
проучить?
До восьми промаринуешь,
чтобы с милой
разлучить?
Прибежит она по лужам,
если даже занята,
ей любовь моя
послужит
лучше всякого зонта.
Встречусь с милой
у реки я,
от тебя,
дождя,
рябой...

Ты подумай — ну какие
мы соперники с тобой?
Вся земля —
твоя невеста,
перестань дразнить
и злить,
выбирай другое место,
чтобы душу ей излить!

ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕЕ

Я в школе по истории
пятерки получал.
Походы Крестовые
я в школе изучал.
Я жил только прошлым
среди будничных дел.
А думать о будущем
я не хотел...
Частенько с друзьями
ходил я в музей.
Потом научился
ходить без друзей.
И вдруг я подумал:
жизнь так коротка,
а я ее трачу
на средние века!
Что было когда-то,
узнал я из книг,
а что со мною будет
хотя бы через миг? ..

КИБЕРНЕТИКА

Машина умеет
угадывать мысли:
солгать захочешь —
не даст солгать.
Машина умеет
подсчитывать мили,
уже научилась
стихи слагать!
Идет кибернетика —
век машин!
И мы, как мальчишки,
вперед забегаем:
бывает —
сами себя смешим,
бывает —
сами себя пугаем.
В умах сенсация,
даже паника:
машина рождает
себе подобных!
Хорошо, если это —
машина-паинька,
а если это —

машина-подонок?
Тогда ей будет
не до стихов!
Обременять себя
будет не нужно
чувствами,
вроде таких

пустяков,
как тоска по родине
или дружба! ..

А ты способен
на подвиг любой!
Как перед самой
высокой вершиной,
я преклоняюсь
перед тобой,
творцом,
человеком,
а не машиной.
Машина может
сваи вбивать,
как самый лучший
друг и помощница.
Но можно ее
научить убивать,
она ведь машина,
она не поморщится!
А в дружбе твоей
и твоей любви
нужна ли тебе,
человек, замена?
Любое чувство

мне назови,
что так же свято
и незабвенно!
И как поэту,
и как мужчине
мне ненавистны
огонь и кровь:
можно доверить
свой гнев

машине,
но кто ей доверит
свою любовь? ..

ПАЛЬЦЫ

Вы много хорошего
можете, пальцы:
погладить котенка
и полку прибить,
а как вы играете
польки и вальсы,
как ловко умеете
оспу привить! . . .
Когда меня люди
зовут на подмогу,
неужто я пальцем
не шевельну?
Я пальцем
указываю дорогу,
я пальцем могу
пригрозить шалуну.
Можно ребенка
заставить смеяться:
сделать «козу»,
завести волчок;
а можно пустить
человека
на мясо,
слегка надавив

спусковой крючок.
Железо погнется
и камень расколется
по приказанию
пальцев моих.
Посланцев любви —
обручальные кольца
в знак верности
мы надеваем на них.

Наш век и другое
им дал назначенье —
не строить дома,
не деревья сажать,
а ради потехи,
для развлечения,
ту самую,
главную
кнопку нажать.
Но если бы кто-то
нажать попытался —
ему не удастся
уйти из игры. . .
Подумайте,
прихоть
какого-то пальца —
и все мы провалимся
в тартарары!
Эй, люди!
Вы спите,
а смерть —
с вами рядом.
Неужто поднимется

свет — надежда моряка — взгляд
штурвального привлек.
Вот он вспыхнул, и на миг стало
 чуточку светлей,
этот свет — язык морской,
 позывные кораблей.
Говорят они в пути на наречии
 каком?

Мне язык их незнаком,
 совершенно незнаком.
Словно звезды по ночам,
 разговор ведут суда,
обменяются приветом, разойдутся
 навсегда.

Непроглядна темнота, словно
 каменный забор,
огоньки дрожат вдали, чуть
 заметные вдали,
морякам любим понятен
 этот добрый разговор,
если даже и различны ваши флаги,
 корабли,
ваши флаги, корабли.

Атлантический океан, 1961

МОИ ГЛАЗА

Мне на природу незачем пенять —
умею мыслить,
 чувствовать умею.
И чтобы мир доподлинно понять,
имею слух
 и зрение имею.

Я благодарен им,
 моим глазам, —
как повесть,
 расстояние читаю,
я взором пробегаю по лесам
и мысленно по небу пролетаю.

Ночь августовская звезду
 обронит, —
вселенная придвинется к тебе.
Порою уши верят посторонним,
а вот глаза,
 глаза — самим себе.

1961

МУМИЯ

Нет ничего угрюмей
мумий.

Громоздкий, неуклюжий саркофаг.
Сказали мне:
в нем фараона прах.

Подумал я:
из мира уходящие
нам оставляют
кто — свои дела,
а от кого останутся
лишь ящики,
лишь ящики
да бранные тела.

Истамбул, 1961

СВЕТ — ТЬМА

От города болят
глаза,
он весь из света и теней,
как виноградная лоза,
увешан
гроздьями огней.
Витрины с тротуарами,
прилавки и лотки
завалены товарами —
берите, чудак!
Не отстает от них
Бейрут,
как банный лист
прицепится —
проходят мимо,
не берут,
никто и не приценится.
Сияют окнами дома,
витрины смотрят гордо,
а где-то притаилась тьма,
чтоб свет схватить
за горло...

Бейрут, 1959

СВЯТОЙ ПРАХ ИМАМА ГУСЕЙНА

Здесь спит имам, детей своих покинув.
Столетия над гробницею прошли,
и неподвижно отсветы рубинов
на сумрак тканей сказочных легли.

Среди сокровищ дивных и несметных
почил пророк.
Но, право, не пойму:
когда, Гусейн, и впрямь ты
из бессмертных —
тогда все это золото к чему?

Когда ты свят, что в бриллиантах проку?
А между тем у склепа вид казны...
Выходит, что религии, пророку
все эти украшения нужны.

Текут в мечеть все новые богатства.
В великолепии пышном утонув,
здесь спит пророк...
И улица, босая,
стоит у входа, руку протянув.

Но что за дело мертвому пророку
до голода, до слез, до нищеты,
послал ли он когда-нибудь хоть кроху
молящимся с утра до темноты?!

Он лишь берет,
ему еще все мало.
О, странные контрасты!
Там и тут
на золоте спят мертвые имамы,
а дети их голодные бредут...

Кербела, 1959

ПЕРЕД ПИРАМИДОЙ

Перед пирамидой
с утра до вечера
полугол, полуголоден —
«налегке»
араб,
заглядывая в глаза доверчиво,
просит милостыню
на иностранном языке.
Качается
оливковою веткою выгнутой
древнего Востока наследник —
последний раб,
перед пирамидой,
его дедом воздвигнутой,
просит милостыню
двадцатого века араб.

Каир, 1959

ДЕД ПЫХ-ПЫХ

Ночь...
И разноцветною тафтою
небо загорается в ответ,
вспыхивает с первой темнотою
призрачный необъяснимый свет.

Иль костер по глади небосвода
языки косматые простер,
иль меня обманывает кто-то:
отражение есть,
а где костер?

В комнаты вошли мы,
всюду холод.
Развести б огонь, да нету дров.
И молчит Киркюк, старинный город,
полутемен,
холоден,
суров.

Но едва мы вышли за границу
города,
исчезло царство тьмы:

Поднимаясь от земли клубами,
в небе дым описывал круги.
Зябнет дом с пустыми
 очагами,
а в полях пылают очаги.

День и ночь
пыхтят костры впустую,
не обогревая никого.
Люди эту местность нефтяную
«Дед Пых-Пых» называли оттого.

Мы, огнепоклонников потомки,
в темноте давно уж не живем:
и жилищ
и душ своих потемки
осветили внутренним огнем.

А у них во все тысячелетия,
хоть огонь дает земля сама,
темноты в ночах боятся дети
и дрожат, не топлены, дома.

Лишь сейчас,
за все века впервые,
начал жар земли касаться их.
Озаряет души их живые
и жилища греет
«Дед Пых-Пых».

Нефти устремляются потоки,
но и нынче,
ночью или днем,
и жилищ
и душ своих потемки
озаряйте внутренним огнем!

Киркюк, 1959

ИЗВАЯНИЕ В СТАМБУЛЕ

Справа я погляжу:
лицо изваянья смеется.
Слева я подхожу:
слезинка гранитная льется.
Спереди посмотрю:
ни смеется,
ни плачет, —
мол, суета сует
для него ничего не значит.
Вижу, в этом лице
темень родственна свету,
но никак не пойму —
кто же это?
Кто здесь изображен,
где я видел похожее? ..
Шевельнулось лицо,
изваяние ожило
— Я похоже,
поэт,
на любого прохожего.
Губы,
скулы,
глаза

и лица выраженье.
Я простой человек,
я его отраженье.
Я восход,
я закат.
Я метели,
я розы,
смена ночи и дня,
смех
и слезы.
Рядом —
радость с бедой,
неудача —
с успехом.
Я
как маятник
между слезами и смехом.

Истамбул, 1961

ЧЕТКИ

Который день,
 который век
кейфует этот человек,
сидит в своей лавчонке,
перебирая четки?
Они гремят
 в его руке,
подобно камушкам в реке,
под бульканье кальяна.
Не первый день,
 не первый год
он так сидит,
 погоды ждет
у моря-океана.
О время —
 океан людской,
его попробуй успокой!
А торговать сладостями
и чай прихлебывать
 в тени
куда спокойней
 в наши дни,
чем ссориться с властями!
Попасть недолго под замок,

а может, и на плаху.
Пока навеки не замолк,
тверди:
«Хвала аллаху!..»
Но не идут на ум хвалы,
и лавочник не в духе,
что не хотят его халвы...
отведать даже мухи!
Видать,
в коммерческих делах
не разбирается аллах,
и не помогут четки
на шелковой бечевке.
«Не верь ни людям,
 ни себе, —
его учили с детства, —
доверься небу и судьбе,
лишь на судьбу надейся.
Ты говоришь,
 что пуст карман?
А ты заглядывай в коран
хотя бы в день три раза.
От нищеты тебя спасут
для омовения сосуд
и коврик для намаза...»
Багдад к оружию зовет,
а он и ухом не ведет,
сидит, надувши щеки,
перебирает четки.
Багдад!
Лицо твое в крови,
глаза темны,
 как полночь.

Багдад!
Его ты не зови,
он не придет на помощь.
Но ты добьешься своего,
хоть и без помощи его,
и все ему припомнишь...
Весь день
 жует он курагу,
и мысли
 в замкнутом кругу,
и дни его
 как четки
на шелковой бечевке.

Багдад, 1959

НЕСТРЕЛЯЮЩИЕ ПУШКИ

1

Покои дворца за стеною,
над башнями птицы летят.
На страже дворца бастионы
второе столетье стоят.

Орудия смотрят в бойницы,
орлы в поднебесье кричат,
плывут облаков вереницы,
летят беспокойные птицы —
тяжелые пушки молчат.

2

В кого им стрелять? У султана
ни горестей нет, ни забот.
В султанском дворце постоянно
толпа чужеземцев живет.

Болезни, лачуги окраин...
Ордой чужеземною той
народ угнетен и ограблен,
задавлен народ нищетою.

Над башнями ветры лишь веют,
над башнями годы лишь мчат —
тяжелые пушки ржавеют,
тяжелые пушки молчат.

3

Весь город во власти пришельцев,
и в гавани их корабли.
Орудия, что же вы, —
цельтесь!..
Орудия, слышите, —
пли!
Но не было грохота залпов,
лишь кто-то преданье сложил,
что очень уж
 пороха запах
тогдашний султан не любил.
И это известно по книгам,
и гневом те строки звучат...
Страна изнывает под игом.
Тяжелые пушки молчат.

4

Годами народ голодает,
но бойко сквозь дым сигарет
султан по-французски лгает
про нации «новый расцвет»...
Придворных собой поражая
(давно ль это принято так?),
султанша —
 мадам парижанка —

«спортивный ведет «кадиллак»,
и дети, наследники трона,
ей вслед по-французски кричат...
Султан улыбается ровно.
Тяжелые пушки молчат.

5

Молчат.
И молчали,
 но странно,
не сбросят их с каменных стен.
Они охраняют султана,
враждует он с кем-то?
 Но с кем?
Направлены пушки на город.
Прицел их тяжелых стволов —
на бедность,
 на горе,
 на голод,
на гнев обличающих слов...
Пришельцы хохочут, наглея,
султан им по-прежнему рад —
недаром
 французские клейма
на ржавых лафетах стоят!
Стена, бастионы, ворота —
гремит во дворце торжество.
Султан защищен...
 от народа,
пришельцы — охрана его!
.....

И ночь наступает покорно,
и утренний близится час...
Султан засыпает спокойно —
тяжелые пушки молчат.

Тетуан, 1961

СТАМБУЛ

Стоит над Босфором
город-чужак
и озирается:
что за оказия?
Одна нога в Европе,
другая — в Азии,
на одной — ботинок,
на другой — чувяк.
Босфор два мира
разъял,
как рана.
Сам был,
сам видел —
 стоит Стамбул,
на устах у города
стих из корана,
в ушах у него
реактивный гул.
В небо вонзились
его минареты.
Он курит жадно,
 без мундштука,
американские сигареты

из турецкого табака.
Его распирает
от кока-колы,
тревожит
дней
марафонский бег.
Прошлое тянет
его за полы,
в спину толкает
двадцатый век.
Я его понял
как человека:
когда мне трудно —
ему трудней!
На перекрестке
двадцатого века
город стоит
между двух огней.
Умом на западе,
сердцем на востоке —
странно сложилась
его судьба!
Я от этого
не в восторге,
но знаю —
город
найдет себя.

Истамбул, 1961

ПАНТЕОН В РИМЕ

Я не видал
таких количеств
их преподобий
и величеств!
Я в Пантеоне
час торчу
и изучаю
без помехи
их самоварные доспехи
и высочайшую парчу.
Бог знает,
из какого сплава
интриг,
насилий
и злодейств
ковалась призрачная слава
того, кто похоронен здесь.
Они за вечностью
в погоне
сооружали Пантеон.
Но есть могила
в Пантеоне,

которой недостойн он.
На ней ни статуй,
ни узоров,
она сурова и проста,
но привлекает
столько взоров
ее гранитная плита.
В дни праздников
и карнавалов
не вспоминают
кардиналов,
не навещают
королей,
чтобы отметить
юбилей —
идут не к ним,
а к Рафаэлю,
несут ему
земной поклон.
Из-за него
семь дней в неделю
туристов
полон Пантеон.
Дельцы,
министры без портфеля
сюда приходят
неспроста...
Сжималось сердце
Рафаэля:
как мимолетна
красота!
Порой он чувствовал
бессилье,

и холст
отсвечивал мертво,
и краски вздорные
бесили,
когда не слушались его.
Он знал
единственное
средство,
чтоб ожил красок
карнавал, —
подмешивал он
в краски
сердце,
пока его не исчерпал.
Но красоту —
увековечил.
Жизнь пронеслась,
как ураган.
О нем почти
по-человечьи
скорбит
возвышенный орган.
Вдыхает мощно
и бездонно
он всей утробой
своей.
Не знаю, слышит ли
мадонна?
«Аве Мария...» —
это ей.
Созданье гения —
бессмертно,

оно из плоти
и крови.
А у могил своих
бессменно
торчат,
как чурки,
короли.

Я с королями
редко знаюсь,
но я поклясться
вам готов,
что королей
терзает зависть:
«Какой художник?
Кто таков?»
Их возмущенью
нет предела,
что и за несколько
веков
толпа к нему
не поредела
и не убавилось
венков.

Душа художника поныне
парит на крыльях
красоты,
а их давно уж
нет в помине,
одни надгробья
и кресты.

Ни их причуд,
ни их художеств —

народ не помнит
ничего,
и меркнет слава
их ничтожеств
перед величием
Его.

Рим, 1961

ВОПЛЬ

...Везувий содрогнулся вдруг —
и пробудился, свирепея,
и пламя вздыбилось вокруг,
и пепел ослепил Помпею.
Гром гулко грохотал в горах,
чернели туч угрюмых орды.
В мгновение
 обратился в прах
тысячелетний город гордый.
Жизнь замолчала,
 как родник,
морозом скованный с размаху...
Вдруг — вопль,
нечеловечий крик
взметнулся над беззвучьем праха.
И, стоном пронзена насквозь,
земля рванулась ввысь из мрака,
и черной кровью запеклось
пылающее сердце мака.
И небо пало на поля,
лицо в багровых тучах пряча,

услышав,
как кричит земля,
как человек последний плачет...

* * *

Года,
столетья шли чредой,
стал человек сильнее и выше.
Нешадно был он бит судьбой,
но победил в бою —
и выжил.
Он закалился, как металл.
Его вела тропа крутая...
Но тот, предсмертный вопль звучал
и ранил память,
 не стихая...

Художник
 грудь скалы рассек,
из камня высек он страданье:
пал на колени человек,
он весь — безумье,
весь — рыданье.
В его разорванных глазах,
в его руках,
 ушедших в небо, —
отчаянье,
 и гнев,
 и страх,
и этот вопль,
гремящий немо.
Что — страшно на него смотреть?
Но вы смотрите,

все смотрите!
Ведь до сих пор гнездится смерть
в природе нашей,
в нашем быте.
Припомните тот век и час,
когда раскалывались скалы,
и солнце стыло,
омрачась,
и вся Помпея пеплом стала...
Ведь если грянет гром войны
и черный гриб над миром встанет —
все нивы будут сожжены
и вся земля Помпеей станет.

СТОЙ, СОЛДАТ!

Что с тобой творится,
Ирак?
Или ты самому себе
враг? ..
Не остыли рубцы
вековой кабалы,
что прикрыла
солдатская куртка.
Для того ли ты сбросил
свои кандалы,
чтоб надели их
на руки курда?
Может, курд
не был другом тебе?
Может быть,
не помог в беде?
Стой, солдат!
Образумься,
не будь подлецом!
Чем ты платишь за дружбу?
Штыком и свинцом!
Кто с тобою
делил все невзгоды,

тот не в силах
сегодня понять —
как святое
оружье свободы
ты решил
на свободу поднять.
Горы курдов овеваны
дымкой молвы,
их никто не заставит
склонить головы.
Неужели ты
хочешь заставить?
Может быть,
на колени поставить?
Но по-прежнему горы
стоят на замке
и не сломлена
воля народа.
Может быть, изначально
на их языке
слово «курд»
означало —

«свобода»? ..

Если братья враждуют —
беда матерям,
с океаном их слез
не сравнится морям.
Вы же братья,
арабы и курды!
Ведь над вами один
небосвод голубел,
и земля вам была
как одна колыбель,

тот же ветер ласкал
ваши кудри.
Значит, с вами обоими
родина-мать
и любви ее
равная доля,
чтоб могли вы,
как братья,
друг друга обнять...
Такова
материнская воля.

ЗАПАД — ВОСТОК

Вечерние трепещущие зори.
Корона солнца блещет над бугром.
На небе и воде свои узоры
выводит солнце золотым пером.

Вечерний час.
Особенно просторно.
И небо, в ожерелье золотом,
просеивает солнечные зерна
сквозь облаков вечерних решето.

Не пожалев себя,
уходит в воду
вечернее светило оттого,
что жертвует собою для восхода
и знает час рожденья своего.

Рига, 1961

ЧАЙКИ

На воде,
в воздухе
и на земле чайки
в трех различных стихиях
живут как хозяйки.
И плывут,
и парят,
и шагают их стайки.
Я веками завидовал им без утайки.
Но теперь наступила эпоха другая:
я, как чайки,
плыву,
и парю,
и шагаю.

Рига, 1961

МЕЧТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Когда мать услышала впервые
лепет детский,

несвязный,
смешной,

в сердце матери
звезды зажглись,
из мечтаний
мечты родились:
«Для тебя — жеребцы вороные,
и созвездья,
и солнце с луной,
за тебя умереть я готова,
но когда ты промолвишь хоть слово? ..»

Стал ребенок
ее понимать,
слово «мама» сказал он однажды.
И охвачена радостью мать
и томит ее новая жажда:
«Мальчик мой!
Ты живешь!
Ты растешь!
Ах, когда же ходить ты начнешь? ..»

Вот ходить начинает мальчишка,
он гуляет,
он скачет вприпрыжку,
он за ветром несется вдогонку —
не удержишь арканом мальчонку!
Мать — как дерево в вешнем цвету...
Но мечта порождает мечту:
«Мальчик мой!
Как он быстро растет...
Но когда же он в школу пойдет?»

Вот отправился в школу сынишка,
вот прочел свою первую книжку.
Сын растет —
и желанья растут.
И маячит в мечтах институт...

Дальше — больше!
Опять и опять
мать
 грядущее сына листает.
Свадьбу сына скорее сыграть
с нетерпением жадным мечтает.

Начинается тихий закат.
Материнский туманится взгляд.
Сердце матери свечкою тает,
но она все мечтает,
мечтает...

Закатившись во мгле,
как звезда,
мать покинула мир навсегда.

Но живет ее сын и мужает,
и — мечтает,
бессонно мечтает.

О мечта!
Ты бессмертна вовек,
как бессмертен земной человек.
Он родился на свет неспроста —
призван очеловечить он землю.
Он растет,
эстафету приемля,
и мечту
 обгоняет
 мечта!

СТИХ И Я

Один лишь взгляд,
 холодный взгляд неправды —
и я ненастен,
и несчастен я.
А мама говорит:
— Сынок,
 неправ ты,
все к сердцу близко принимать нельзя.
Нельзя за все на свете быть в ответе
и память списком бедствий отягчать. . .
С тревогами не дружит долголетье,
спокойнее живи,
послушай мать. . .

— Ах, мама!
Ведь тебя не переспоришь.
Конечно,
ты по-своему права.
Подтачивают сердце
грусть и горечь,
от бурь
седеет рано голова. . .
Закрывать глаза на человеческие горе,

не замечать растоптанных цветов,
бесстрастно промолчать в пристрастном споре,
не отзываться на тревожный зов —
и проживешь и сыто,
и покойно
лет сто,
а то и больше проживешь. . .

Но эта жизнь
поэта недостойна.
Такая жизнь — позор.
Позор и ложь.
Нет,
не могу,
не смею и не буду
жить,

отвернувшись от страстей и бед,
не зная горя и не веря чуду,
не ведая падений и побед.

Когда скорбит насупленное небо —
в нем зреют стебли молний огневых.
О жизнь!

Тревожь меня!
Зови и требуй!
Гнев и восторги
порождают стих.

Коль хочешь озарить сердца людские
высоковольтной молнией стих: —
сам запылай огнем,
сам стань стихией,
чтобы костер высокий не стихал.
Все людям отдавать —

щедрее,
шире —

и бескорыстно времени служить.
Немирно жить
в немирном этом мире —
лишь так

поэт
обязан жить!

Да, мама,
тяжела судьбина эта,
она и не легка,
и не тиха. . .
Пусть долголетье

не дано поэту —
важнее
долголетие
стиха.

КТО МНЕ ВРАГ?

Кто мне враг?
Кто мне друг?
Разберешься не вдруг,
я от этой задачи
 устал.
Если б встретил врага,
не сваял дурака,
дождаться б удара
 не стал.
Только кто мне враг?
Может, лстивый друг,
что похвалит брак,
проглядит недуг?
Или тот, кто меня
на собрание ругает
 за дело,
в недостатках виня
и смеясь,
чтоб сильнее задело? ..
Ах, как к финишу
 годы спешат!
Вас мои недостатки
 смешат?

А меня они старят,
они вырастают
в пороки,
много будет под старость
 морочи!

Вы смеетесь?
А я улыбаюсь,
потому что от них
 я избавлюсь,
и тогда я лет сто,
может, скину,
только смейтесь
 мне в лицо,
а не в спину!
Критикуйте,
я — за!
Одолжите мне глаза,
поглядеть на себя
со стороны.
Как легко друзьям
проглядеть твой изъян,
а врагам —
все пороки видны.
Если это так,
то спасибо судьбе:
пусть я буду враг
самому себе!
Но с любым врагом
легче выиграть бой,
чем справиться,
сладить
с самим собой.

Неужели сдамся,
с пути сверну,
самого себя
не перешагну?
В жизни пил я
не только
мед, но и яд.
Я хотел бы знать «завтра»,
как знаю «вчера».
Слишком гладкие тропы
опасность таят.
И от сладких речей
я не жду добра.
Неподкупное время
чеканит шаг.
За твое здоровье,
мой лучший враг!

БАЛТИЙСКОЕ НЕБО

Балтийское небо
в экстазе заката,
о, как оно
возвышает дух!
Оно похоже
на музыканта,
у него
абсолютный слух —
лишь не хватало
какой-то встряски.
Небо!
Душу свою излей!
Пусть соревнуются
звуки и краски,
кто из них ярче
и кто смелей.
А говорили,
что нам известны
только семь звуков
и семь цветов!
Закат струится,
как кровь из вены,
как сок граната
с моих усов.

И море в закате,
 в багровой пене —
 то слышатся трубы,
 то всплеск литавр.
 Вот так же в Ригу
 на праздник песни
 прошлым летом
 я прилетал.
 Небо и море,
 слились ваши души!
 Краски осыпались,
 точно сад,
 они все тише звучат,
 все глуше,
 и вот, как песня,
 умолк закат.
 Ты ведь тоже
 творишь для народа!
 Кто песню лучшую
 сочинит?
 Твою гармонию,
 мать-природа,
 я постигаю,
 как ученик.
 Мне очень нравится
 чайная роза,
 но чем-то мне
 и репейник л,
 а меня уверяют,
 что это уродство —
 такими глазами
 глядеть на мир!

Мудрец отвернулся
 от мертвой собаки,
 он был брезглив
 и не очень мудр.
 А другой любовался
 ее зубами:
 «Чудесные зубы!
 Как перламутр!»
 ...Искать красоту
 везде и повсюду,
 куда ни ступит
 твоя нога...
 Может, и я
 красоту добуду,
 как добываются
 жемчуга.

КАК ЧАЙКА

Я умирать бы не хотел в постели
под собственные вздохи:

«ох» да «ах»...

Я жить хочу в тревоге и метели
и умирать с оружием в руках.

Я не хочу,
врачам свой пульс доверя,
стремительно, старательно стареть.
Я жить хочу,
как гордые деревья,
и, как деревья в бурю, умереть.

С подушкой материнскую пуховой
в обнимку, сокрушаясь:

«ох» да «ах»...

Нет, жить хочу, владея полным словом,
и умирать хочу с пером в руках.

Так смотришь иногда в морские дали
и замечаешь чаек на скале.
Поплавали они и полетали —
и краткий отдых ищут на земле.

Но чайки никогда свою кончину
не захотят найти на берегу:
гортанно вскрикнув,
бросятся в пучину,
в морскую маслянистую пургу.

Их перед смертью ветер покачает
и осенит их гребень навесной,
и лишь тогда
сердца отважных чаек
умолкнут под высокою волной.

Я умирать бы не хотел в постели
под собственные вздохи:
«ох» да «ах».

Я жить хочу в тревоге и метели
и умирать с оружием в руках.

СОДЕРЖАНИЕ

Высота. Перевел Е. Елисеев	3
Гость. Перевел А. Кронгауз	6
Я спешу. Перевел А. Кронгауз	7
Ты и я. Перевела М. Павлова	10
Учительнице. Перевел В. Кафаров	12
Санки. Перевел А. Кронгауз	14
Не падай! Перевел А. Кронгауз	18
Первая тропа. Перевел Е. Елисеев	19
Что такое счастье? Перевел Е. Елисеев	21
Разговор с врачом. Перевела М. Павлова	24
Дождь и земля. Перевел Д. Голубков	27
«Все сердца величиной с кулак...» Перевел Е. Елисеев	29
Сердце. Перевел А. Кронгауз	31
Вокзал. Перевел Е. Елисеев	32
Зачем он приехал... Перевел Е. Елисеев	35
Дождик, перестань! Перевел Е. Елисеев	42
Прошлое — будущее. Перевел Е. Елисеев	44
Кибернетика. Перевел Е. Елисеев	45
Пальцы. Перевел Е. Елисеев	48
Язык кораблей. Перевел В. Зайцев	51
Мои глаза. Перевел В. Зайцев	53
Мумия. Перевел В. Зайцев	54

Свет — тьма. Перевел Е. Елисеев	55
Святой прах имама Гусейна. Перевел В. Луго- вой	56
Перед пирамидой. Перевел А. Кронгауз	58
Дед Пых-Пых. Перевел А. Кронгауз	59
Изваяние в Стамбуле. Перевел А. Кронгауз	62
Четки. Перевел Е. Елисеев	64
Нестреляющие пушки. Перевел В. Луговой	67
Стамбул. Перевел Е. Елисеев	71
Пантеон в Риме. Перевел Е. Елисеев	73
Вопль. Перевел Д. Голубков	78
Стой, солдат! Перевел Е. Елисеев	81
Запад — восток. Перевел А. Кронгауз	84
Чайки. Перевел А. Кронгауз	85
Мечта продолжается. Перевел Д. Голубков	86
Стих и я. Перевел Д. Голубков	89
Кто мне враг? Перевел Е. Елисеев	92
Балтийское небо. Перевел Е. Елисеев	95
Как чайка. Перевел А. Кронгауз	98

БАХТИЯР ВАГАБ-ЗАДЕ

Высота

М., «Советский писатель», 1963, 103 стр.

Редактор Д. Н. Голубков

Художник Ю. В. Царев

Худож. редактор Е. Ф. Капустин

Техн. редактор М. А. Ульянова

Корректор Э. В. Пронина

Сдано в набор 4/IX 1963 г.

Подписано к печати 11/X 1963 г.

А 07051. Бумага 70×108¹/₃₂.

Печ. л. 3¹/₄ (4,45). Уч.-изд.

л. 3,18. Тираж 7000 экз.

Зак. № 1263. Цена 16 коп.

Издательство

«Советский писатель»

Москва К-9

Б. Гнездиновский пер., 10.

Типография № 5 УЦБипП

Ленсовнархоза

Ленинград, Красная ул., 1/3

Автор этой книги — лирик в самом точном смысле этого слова. Стихи Вагаб-заде, глубокие и значительные, всегда просты, всегда искренни. Даже обращаясь к теме публицистической, автор не теряет драгоценной ноты задушевности, лирической взволнованности. Поэтому-то так увлекательны и своеобразны его стихи о любимой, потому-то так свежи, и колоритны, и доходчивы строки, посвященные заграничным впечатлениям поэта, — стихи об Италии, о султанской Турции, о Египте, Ираке.

Около двадцати лет работает Б. Вагаб-заде в азербайджанской поэзии. В настоящий сборник включены в основном произведения, созданные им за последнее десятилетие.

Это — признание любимой, это раздумья об искусстве, это значительный и строгий разговор о времени, о родине, о грядущем.

1
123.707

